

ВОЛК СРЕДИ ТЕНЕЙ

*Этот роман посвящается: «Леди» Вудфорт,
верившей в любовь, мужество и дружбу
и помогавшей тем, кто знал ее,
по-новому постичь смысл всех трех.
Сти спокойно, Леди.*

*И Этель Осборн, ее сестре,
за целую жизнь любви и забот.*

Пролог

Верховный жрец поднял окровавленные руки, отвернулся от трупа и опустил их в серебряную чашу, полную душистой воды. Кровь завихрилась между плавающих в ней розовых лепестков, окрашивая их пурпуром и масляно поблескивая. Юный послушник опустился на колени перед царем и простер к нему руки. Царь наклонился и положил на его ладони большой овальный камень цвета червонного золота, но испещренный толстыми черными прожилками. Послушник отнес камень к трупу и опустил в зияющую рану, где прежде билось сердце девушки. Камень зарделся, засиял багрово-золотым светом, как фонарь демона, черные прожилки стали тоньше волосков. Послушник вынул камень, вытер куском шелка, вернул его королю и, пятясь, отступил в сумрак придела.

Второй послушник приблизился к верховному жрецу и низко поклонился. Он поднял красное церемониальное облачение и осторожно надел его на жреца через его лысую голову.

Царь дважды хлопнул в ладоши, прислужники подняли труп девушки с мраморного алтаря и унесли через длинный зал навстречу забвению.

— Так что же, Ахназар? — властно спросил царь.

— Как видишь, государь, девушка была сильным экстрасенсом, и ее сущность питает много камней, прежде чем истощится.

— И кровь свиньи питает камень, жрец! Ты знаешь, о чем я спрашиваю, — сказал царь, устремив на Ахназара пронзительный взгляд.

Лысый жрец низко склонился, не отрывая глаз от мраморного пола.

— Знамения почти все благоприятны, государь.

— Почти? Смотри прямо на меня! — Ахназзар поднял голову, собираясь с силами, чтобы посмотреть в горящие глаза владыки Ада. Его глаза заморгали, он попытался отвести их, но огненный взгляд Аваддона зачаровал, загипнотизировал его. — Объясни свои слова.

— Вторжение весной, государь, обещает быть успешным. Но есть опасность... небольшая, — поспешил он добавить.

— Где?

Ахназзар обливался потом. Он облизнул сухим языком сухие губы.

— Не где, государь. Она в трех людях.

— Назови их.

— Оpoznать удалось лишь одного, остальные остались скрытыми. Мы их найдем. Того, кто известен, зовут Шэнноу. Йон Шэнноу.

— Шэнноу? Это имя мне неизвестно. Он местный вождь или разбойничий атаман?

— Нет, государь. Он ездит один.

— Так как же он может быть опасен исчадиям Ада?

— Не исчадиям, государь, но тебе.

— Ты считаешь, тут есть разница?

Ахназзар побелел и смигнул пот с глаз.

— Нет, государь. Я просто хотел сказать, что он угрожает тебе как человеку.

— Я никогда не слышал про этого Шэнноу. Как он может мне угрожать?

— Ясного ответа нет. Но он последователь мертвого древнего бога.

— Христианин? — прошипел Аваддон. — Попробует убить меня любовью?

— Нет, государь. Я говорил про древнего темного бога. Он сражает разбойников и склонен к вспышкам неудержимого гнева. Есть даже некоторые признаки, что он безумен.

— В чем они заключаются? Если не считать религиозного идиотизма.

— Он странный, государь. Ищет город, который исчез с лица земли во времена Благословенного Армагеддона.

— Какой город?

— Иерусалим.

Аваддон усмехнулся и, успокоенный, откинулся на спинку трона.

— Этот город уничтожила приливная волна триста лет назад — великая мать всех приливных волн. Тысяча футов кипящей океанской воды утопила это чумное место, возвещающая царствие Владыки и смерть Иеговы. И что же Шэнноу надеется отыскать в Иерусалиме?

— Мы не знаем, государь.

— Так почему он опасен?

— На всех магических таблицах и во всех пророческих снах его линия пересекает твою. Вы связаны кармой. То же относится и к остальным двоим. Каким-то образом Шэнноу соприкоснулся — или соприкоснется — с жизнями тех двоих, кто может повредить тебе. До сих пор мы не сумели их опознать, но сумеем. Пока же они кажутся тенями позади Иерусалимца.

— Шэнноу должен умереть... и скоро. Где он сейчас?

— Сейчас он в нескольких месяцах пути отсюда к югу и приближается к Ривердейлу. У нас там есть человек, Флетчер. Я извещу его.

— Докладывай мне обо всем, жрец.

Когда Ахназзар, пятясь, покинул своего монарха, Аваддон поднялся с черного трона и подошел к высокому стрельчатому окну, за которым простирался Новый Вавилон. На равнине к югу от города собиралось войско исчадий Ада для похода во имя Кровавого Пира. К зиме новые ружья будут розданы, и исчадия начнут подготовку к весенней войне. Десять тысяч человек под знаменем Аваддона хлынут на юг и запад, чтобы предать новый мир в руки последнего, кто уцелел после Падения.

И они предостерегают его против какого-то полоумного?

Аваддон вскинул руки:

— Приди ко мне, Иерусалимец!

1

Всадник остановил коня на гребне лесистого холма и оглядел расстилавшуюся внизу пустынную равнину, пологими волнами уходившую к горизонту.

И никакого знака, что Иерусалим близок, и нигде не видно темной, сверкающей алмазами дороги. Но ведь Иерусалим всегда был где-то впереди, манил в ночных сновидениях, дразнил обещанием, что отыщется где-то на пуповине черной дороги.

Разочарование исчезло, едва возникнув, и он перевел взгляд на дальние призрачно-серые горы. Не там ли найдет он знак? Или же дорога давно замечтена прахом веков, скрыта под длинными травами истории?

Он отбросил сомнения. Если этот город существует, Йон Шэнноу найдет его. Сняв широкополую кожаную шляпу, он утер вспотевшее лицо. Близился полдень, и он спешился. Мерин серой масти со стальным отливом стоял неподвижно, пока хозяин не закинул поводья ему на шею, а тогда нагнул голову и принялся щипать стебли сочной травы. Его хозяин порывлся в седельной сумке, вытащил свою древнюю Библию, сел на землю и неторопливо перелистывал золотообрезные страницы:

«И сказал Саул Давиду: не можешь ты идти против этого Филистимлянина, чтобы сразиться с ним; ибо ты еще юноша, а он воин от юности своей».

Шэнноу пожалел Голиафа, ведь бедняга был обречен. Храбрый великан, готовый на бой с самым грозным воином, вдруг увидел, что его противник — почти ребенок, без меча и панциря. Победи он, так стал бы всеобщим посмешищем.

Шэнноу закрыл Библию и бережно убрал ее в седельную сумку.

— Пора снова в путь, — сказал он мерину, сел в седло, подобрал поводья, и мерин начал неторопливо спускаться по склону. Взгляд всадника впивался в каждый валун, в каждое дерево, в каждый куст и кустик. Они окунулись в прохладу долины. Шэнноу натянул поводья и, повернувшись лицом к северу, глубоко вдохнул душистый воздух.

Из куста выпрыгнул кролик, и мерин шарахнулся. Шэнноу увидел, как зверек исчез в траве, поставил длинноствольный пистолет на предохранитель и опустил в кобуру пояса. Он почти не помнил, как выхватил его. Наследие долгих лет вечных опасностей — быстрые руки, верный глаз и тело, опережающее мысли.

Не всегда благо... Шэнноу знал, что ему никогда не забыть непонимающие — ничего не понимающие! — глаза ребенка, когда свинцовый шарик разорвал его сердце. Не забыть, как щуплое тельце упало на землю мертвое. Три разбойника в тот день. Один застрелил лошадь под Шэнноу, двое других кинулись на него с ножом и топором. В несколько секунд он разделался со всеми тремя, и тут движение у него за спиной заставило его вихрем повернуться и выстрелить. Ребенок умер, даже не вскрикнув.

Простит ли Бог его? Когда-нибудь?

Что толку, если он сам не может себе простить.

— Тебе повезло, Голиаф, — сказал он. — Убили тебя.

Ветер переменился и донес с востока дразнящий запах жарящейся грудинки, от которого защемило под ложечкой. Шэнноу дернул правый повод. Через полмили тропа поднялась на холм, спустилась со склона и вывела к лугу и крестьянскому дому с каменным фасадом. Перед домом был огород, а позади него загон, в котором бродило несколько лошадей.

Дом не был обнесен частоколом, окна стояли открытыми. Лес начинался шагах в двадцати от левой стены, что позволило бы разбойникам подобраться к самому дому, укрываясь от выстрелов. Застыв в седле, Шэнноу несколько минут созерцал это необыкновенное жилище. Затем он увидел, что из сарая позади загона появился мальчик с ведром в руке. Ему навстречу вышла женщина и взъерошила его белокурые волосы.

Шэнноу осмотрел открытое пространство, ища следов присутствия мужчины. Наконец, убедившись, что они одни, тро-

нул мерина и направил его к дому. Мальчик первым заметил их и нырнул в дверь.

При виде всадника сердце Донны Тейбард оборвалось, но все же, подавляя панический страх, она сняла со стены тяжелый арбалет. Вставив ногу в бронзовое стремя, попыталась оттянуть тетиву, но у нее не хватило сил.

— Помоги мне, Эрик!

Мальчик подбежал к ней, и вместе они оттянули тетиву на место. Донна вложила стрелу в желоб и вышла на крыльцо. Всадник остановился шагах в двадцати от дома, и страх Донны пробудился с прежней силой, когда она рассмотрела худое лицо и глубоко посаженные глаза в тени широкополой шляпы. Ей не довелось увидеть хотя бы одного разбойника, но спроси ее кто-нибудь, как, по ее мнению, они выглядят, она описала бы именно такое порождение ее кошмаров.

Донна подняла арбалет и уперла тяжелый приклад в бедро.

— Уезжай! — крикнула она. — Я сказала Флетчеру, что мы останемся тут. И я не дам выгнать нас.

Всадник еще несколько секунд неподвижно смотрел на нее, потом снял шляпу. В его черных длинных, до плеч, волосах поблескивала седина, а борода была у подбородка совсем белой.

— Я странник, госпожа, и не знаю этого Флетчера. Я не хочу причинить тебе зла. Просто до меня донесся запах грудинки, и я хотел бы купить кусок. У меня есть обменные монеты и...

— Убирайся! — снова крикнула она. Арбалет чуть не вырвался из ее рук, и она задела ладонью спуск. Стрела взвилась в воздух, пролетела над всадником и упала у ограды загона. Шэнноу повернул мерина туда, спешился и поднял стрелу. Оставив мерина у ограды, он неторопливо пошел к дому.

Донна выронила арбалет и прижала Эрика к себе. Мальчик дрожал всем телом, но крепко сжимал в руке длинный кухонный нож. Донна взяла у него нож, не спуская глаз с непрошеного гостя. Он на ходу снял тяжелую кожаную куртку и перекинул ее через руку. Вот тут она и увидела тяжелые пистолеты на его поясе.

— Не убивай моего сына! — прошептала она.

— К счастью, госпожа, я говорил чистую правду и не намерен причинять вам зло. Ты не продашь мне кусок грудинки? — Он поднял арбалет, оттянул тетиву и вложил стрелу в желоб. — Может, тебе будет спокойнее с ним в руках?

— Ты правда не комитетчик?

— Я чужой в этих местах.

— Мы как раз собирались ужинать. Потрапезничаешь с нами?

Шэнноу преклонил колено перед мальчиком.

— Могу я войти? — спросил он.

— А я могу тебе помешать? — с горечью отозвался мальчик.

— Скажи только одно слово.

— Правда?

— У меня много недостатков, но я не лжец.

— Тогда можешь войти, — сказал мальчик, и Шэнноу направился к крыльцу, а мальчик поплелся за ним. Он поднялся по ступенькам и вошел в прохладную комнату, просторную, приятных пропорций. На белом каменном основании стояла печка с чугунной духовкой, а в центре комнаты красовался стол, покрытый искусной резьбой. В деревянном буфете у стены хранились глиняные тарелки и кружки.

— Стол сделал мой отец, — сообщил мальчик. — Он искусный плотник, лучший в Ривердейле, и работы у него хоть отбавляй. Кресло тоже он сделал и шкуры сам выдубил.

Шэнноу притворился, будто любитесь глубоким кожаным креслом возле печки, но его глаза следили за движениями тоненькой блондинки, хлопотавшей у духовки.

— Благодарю вас за то, что вы впустили меня под свой кров, — сказал Шэнноу с некоторой торжественностью.

Женщина улыбнулась в первый раз и вытерла ладонь о холщовый передник.

— Я Донна Тейбард, — сказала она, протягивая ему руку.

Он взял ее и прикоснулся губами к пальцам.

— А я Йон Шэнноу, госпожа. Странник в чужом краю.

— Ну так добро пожаловать, Йон Шэнноу! К грудишке у нас найдется немного картошки и мяты. Ужин будет готов через час.

Шэнноу подошел к двери, в которую были вделаны колышки, расстегнул пояс с кобурами и повесил рядом со своей курткой. Обернувшись, он вновь увидел страх в ее глазах.

— Не тревожьтесь, фрей Тейбард. Странник должен защищать себя. Но я сказал правду, и мое слово тверже железа, хотя, конечно, люди бывают разные.

— В Ривердейле, мистер Шэнноу, пистолеты — редкость. Это была... мирная земля. Если хотите помыться перед едой, так колодец с насосом позади дома.

— У вас есть топор, госпожа?

— Да. В сарае.

— Ну так я отработаю свой ужин. С вашего позволения...

Он вышел в ступающиеся сумерки, расседлал мерина и запер его в загоне с тремя лошадьми, затем отнес седло и сумки на крыльцо, взял топор и почти час колол дрова, после чего разделся до пояса и вымылся под насосом. Когда Донна Тейбард позвала его в дом, уже взошла луна. Мать и сын сидели у конца стола. Тарелка для него стояла у другого конца, напротив печки. Он перенес ее так, чтобы сесть лицом к двери.

— Могу я сказать слово благодарности, фрей Тейбард? — спросил Шэнноу, когда она начала накладывать еду на его тарелку. Она кивнула. — Господь Воинств, прими нашу благодарность за этот ужин. Благослови дом сей и тех, кто проводит в нем свои дни. Аминь.

— Вы придерживаетесь старого обычая, мистер Шэнноу? — спросила Донна, протягивая ему солонку.

— Старого? Для меня он новый, фрей Тейбард. Хотя правда, он старше всего, что сохраняется в памяти человеческой, и остается непостижимой тайной в нашем мире разбитых упований.

— Пожалуйста, не называйте меня фрей! Я сразу чувствую себя дряхлой старухой. Вы можете называть меня Донной. А это мой сын Эрик.

Шэнноу кивнул Эрику и улыбнулся, но мальчик отвел глаза, продолжая жевать. Бородатый незнакомец внушал ему страх, хотя он старался этого не показывать. Его глаза скозились на оружие, висящее на двери.

— Это ручные ружья? — спросил он.

— Да. Они у меня уже семнадцать лет, но сделаны гораздо раньше.

— Вы сами изготавливаете порох?

— Да. И у меня есть формы для отливки пуль и несколько сотен медных пистонов.

— А вы кого-нибудь убили из них?

— Эрик! — прикрикнула на него мать. — Таких вопросов гостю не задают, и уж тем более за столом.

Ужин все трое доели в молчании. Потом Шэнноу помог Донне убрать со стола. Посуду они вымыли под вторым насосом внутри дома. В тесном чулане Донна чувствовала себя неловко и уронила тарелку, которая разлетелась на десятки черепков от удара о деревянный пол.

— Прошу вас, не бойтесь, — сказал Шэнноу, на коленях подбирая черепки.

— Я доверяю вам, мистер Шэнноу, но мне уже случалось ошибаться.

— Я устроюсь на ночь снаружи, а утром меня уже здесь не будет. Благодарю вас за ужин.

— Нет-нет, — сказала она слишком уж поспешно. — То есть... можете спать в кресле. Мы с Эриком спим в задней комнате.

— А мистер Тейбард?

— Вот уже десять дней как уехал. Надеюсь, он скоро вернется. Боюсь, не случилось ли с ним чего-нибудь.

— Если хотите, я могу поискать его. Он мог, например, упасть с лошади.

— Он уехал в повозке. Оставайтесь, мистер Шэнноу. Поговорите со мной. К нам очень давно никто не заглядывал. Расскажите новости о... Откуда вы едете?

— С юго-запада через прерии. А до этого я плывал в море — вел торговлю с Ледовыми селениями за пределами Вулканического кольца.

— Говорят, это край мира.

— По-моему, там начинается Ад. На тысячу миль по горизонту пылают огни.

Донна осторожно протиснулась мимо него в большую комнату. Эрик зевал во весь рот, и мать отправила его спать. Он заспорил, как все подростки, но в конце концов послушался. Однако дверь в спальню оставил открытой.

Шэнноу опустился в кресло, вытянув длинные ноги к печке. У него щипало глаза от усталости.

— Почему вы странствуете, мистер Шэнноу? — спросила Донна, опустившись напротив него на коврик из козьей шкуры.

— Ищу свое чаяние. Город на горе.

— Я слышала, что дальше к югу есть города.

— Поселки, хотя некоторые и большие. Однако мой город существовал куда дольше. Он был построен, разрушен и вновь